

М. М. ХЯМЯЛЯЙНЕН

О СТАТЬЕ А. И. ПОПОВА „ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ“¹

Новгородские берестяные грамоты относятся к важным источникам и по истории, и по языку. Они, безусловно, вызывают большой интерес не только у славистов, но и у финноугроведов. Многие места новгородских берестяных грамот еще не разъяснены. В своей статье А. И. Попов ставит своей целью, выражаясь его словами, „внести сюда некоторые дополнения, касающиеся встречающихся в них прибалтийско-финских личных имен“ (стр. 95). Нужно всячески приветствовать такую попытку автора.

Автор статьи дает свои соображения о встречающихся собственных именах и топонимических названиях в грамоте № 2, относящейся примерно к XV веку. В рассматриваемой статье высказано предположение, что „на дошедшем до нас листке личные и географические имена относятся к одной и той же местности небольших размеров“ (стр. 96). В дальнейшем изложении конкретизируется принадлежность этих имен к определенной местности и к определенной языковой группировке. Автор пишет, что „можно с большой степенью вероятия утверждать, что мы обнаружили то место, к которому относятся записи берестяной грамоты № 2 А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова. Это место — Водлозеро, расположенное к востоку от северной части Онежского озера и имевшее даже в недавнем прошлом население, известное под именем „чуди“, но не карел. В этом убеждает и подробное изучение здешней топонимики, которая не имеет характера собственно-карельской, а ближе к вепсской или людиковской: Вавдиполь, Варишпилда, Коскосалма, Канзанаволок, Маткалаhti, Калакунда и т. д.

Большинство названий подобного рода не может быть отнесено к карельским и в значительной части они даже просто немыслимы в собственно-карельских диалектах.

Поэтому лучше всего охарактеризовать данные названия как „чудские“, понимая под этим термином принадлежность названий какому-то

¹ От редакции. Редакция имела возможность ознакомиться с рукописью А. И. Попова сотрудников Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Научный сотрудник сектора языкознания М. М. Хямяляйнен решил отозваться на рукопись статьи А. И. Попова рецензией, в которой высказывает также свое отношение к поднятым в статье А. И. Попова вопросам. Редакция сочла уместным напечатать замечания М. М. Хямяляйнена в качестве первого отзыва на статью А. И. Попова.

исчезнувшему в настоящее время прибалтийско-финскому диалекту, наиболее близкому к вепсскому языку из всех ныне существующих видов речи этого типа.

Исходя из этого следует строить и все дальнейшие выводы“ (стр. 96—97).

Нам представляется, что на основе нескольких слов берестяной грамоты нет серьезных оснований для выдвижения гипотезы об исчезновении неизвестного для нас диалекта, близко стоявшего к вепсскому языку.

Возражение вызывает и основное предположение автора, что встречающиеся в берестяной грамоте № 2 прибалтийско-финские названия восходят „к одной и той же местности небольших размеров“ и что эти названия относятся к диалекту (исчезнувшему), близко стоявшему к вепсскому языку или людиковскому наречию (восходящему к вепсскому языку). Если согласиться с этим предположением, то трудно связать между собой Гумор-наволоок и Игугмор-наволоок. По мнению автора, Гумор- и (И)гугмор-наволоок возводятся к прибалтийско-финскому слову *хумбар-хум|мар* или *хухмар* „ступа“. Дело в том, что *хумбар* отражает фонетическую оформленность вепсского языка и людиковского наречия, *хум|мар* — собственно-карельскую, а *хухмар* — финскую оформленность. Значит, Гумор-наволоок и Игугмор-наволоок никак нельзя связывать между собой в одном наречии. Заметим, между прочим, что собственное название Гумарино (по-русски), встречается и на территории собственно-карельских говоров. По-карельски это название звучит *Хум|марине* (-ине в этом названии является суффиксом). Не укладывается в вепсские нормы языка и *вихта* „веник“. Слово *вихта* относится к западно-финским говорам, эстонскому языку и т. д., но отнюдь ни к вепсскому, ни к карельскому языкам, ни к восточно-финским говорам. В этих языках употребляется слово *васта*. В вепсском языке нет также и слова *вихкий* „венчать“. Если исходить из вепсского языка, то навряд ли *вельют* можно возводить к *вильют* из *вилья* „зерно, хлеб“, ибо в вепсском языке нет слова *вилья*. Нам кажется, что нет серьезных оснований возводить *вельют* к *вилья* и по линии суффиксального словообразования. В карельском, вепсском и финском языках в какой-то мере многие имена существительные употребляются с уменьшительно-ласкательным суффиксом на -хут и -ут. С этим же суффиксом особенно часто употребляется *велье-велле* „брат“. В *вельют* имеет место упоминаемый суффикс, и это слово, следовательно, переводится „братец“. Слово же *вилья-вилля* с этим суффиксом не употребляется.

Собственные названия *Коскосалма*, *Калакунда* (стр. 97) возводимы к вепсскому языку, людиковскому и ливвиковскому наречиям карельского языка, ряду собственно-карельских говоров и другим прибалтийско-финским языкам, а не только к вепсскому языку. *Кан-занаволок* и *Маткалахта* могут относиться к вепским и южно-карельским говорам, а также и к другим прибалтийско-финским языкам, но не к собственно-карельскому, как правильно отмечает автор. Только *Варишпилда* можно с несомненностью отнести к вепсскому языку.

Нам кажется остроумным и весьма вероятным одно из предположений автора о том, „что *-екуевь* („Аекуевь“, „А Екуевь“. — М. Х.) является только окончанием прозвища, начало которого содержалось на предыдущей странице, до нас не дошедшей“ (стр. 98). Но в таком случае *-екуевь* может отражать не только „чудскую“, но и карельскую, водскую и ижорскую речь.

Возможно, что приведенные автором статьи собственные названия и являются вепскими (и это весьма вероятно). Но если это так, то нужно искать совершенно новые истолкования для некоторых слов.

Несмотря на наши возражения по истолкованию некоторых слов из берестяной грамоты и о недостаточной обоснованности возведения их (слов) к „чудской“ речи, статья А. И. Попова не теряет своего интереса хотя бы только с точки зрения постановки важного вопроса в расшифровке неизвестных до сего времени слов новгородских берестяных грамот.
